
Н. В. ПОНЫРКО

Федор Антонович Каликин — собиратель
древних рукописей

Древнерусская культура — ушедшая культура. И из-за этого как бы чужая. Когда мы чувствуем ее своей, мы ее возвращаем. Именно с этой позиции надо рассказывать о Ф. А. Каликине: для Каликина она была своей.

Я начну с цитаты из письма 90-летнего Каликина к И. Н. Заволоко: «Пасхальные песнопения очень я любил и люблю и сейчас. А когда-то весь пасхальный канон помнил наизусть. И это когда-то, когда мне было около 10—11 лет. В поле во время весеннего сева я бороновал, сидя верхом на лошади, запряженной в борону. А рядом с нашей полосой, тоже только что вспаханной, старичок, хозяин этой полосы, сеял. А он, так же как и я, был старообрядец, и очень хороший старик. И вот я пропел весь пасхальный канон и пасхальные стихиры. Голос у меня, помню, был звонкий. А старик все слушал, пока я не кончил бороновать. А пропеть я пропел. . . как пели в моленной. В то время в нашей моленной были хорошие певчие. И я находился среди них, стоял у аналоя с ложкой, светил. . . Вот пропел канон и пасхальные стихиры и закончил боронование этой полосы. А старик Афанасий все слушал. А когда я закончил, он подошел ко мне и сказал мне: «Спаси господи», — да так тепло и прочувствованно, что я помню и по сие время. А старичек-то был святой жизни человек. Работал по крестьянству до самого конца своей жизни. И самый конец своей жизни знал. Чудный был старик. Я его, да и все, кто его знал, считают святым».¹

Мы как будто прочли отрывок из сочинений древнерусского книжника. Только книжник написал эти строки в двадцатом столетии.

В Древлехрамнице Пушкинского Дома существует собрание Каликина, которое насчитывает 92 рукописи. В Рукописном отделе БАН — собрание Каликина из 193 единиц хранения. В фондах Русского музея, Государственного Эрмитажа и Казанского собора хранится целый ряд икон, поступивших в разное время от Каликина. Среди них знаменитое новгородское «Чудо Георгия о змее» XV в.

Единственное в своем роде собрание старообрядческих рукописей В. Г. Дружинина в БАН тоже причастно к имени Каликина, так как собрано в большей своей части им. Драгоценный Пустозерский сборник из этого собрания с автографом жития протопопа Аввакума был найден Каликиным для Дружинина. Первым собранием Каликина было, в сущности, собрание Дружинина, последним — собрание в Древлехрамнице им. В. И. Малышева. Каликин стоит как бы между старым поколением ученых и нашим.

¹ ИРЛИ, Древлехрамнице, коллекция И. Н. Заволоко, № 160, письмо Ф. А. Каликина к И. Н. Заволоко, от 24 IV 1967 г.

Федор Антонович Каликин родился старообрядцем и старообрядцем умер. Он родился в 1876 г. в Вологодской губернии, в деревне Гавриловская нынешнего Тарногского района, а умер в 1971 г. в городе Ленинграде, в Купчино.

Отец Каликина, Антон Семенович, был иконописцем. По сию пору в домах крестьян Тарногского района можно видеть иконы письма Антона Каликина. Одна из икон его работы хранится в частном собрании Н. Кормашева (г. Таллин). Сведения о ней опубликованы в каталоге выставки «Древнерусское искусство в собрании Н. Кормашева» (Таллин, 1971, с. 43). Кроме писания икон отец Каликина изготовлял лицевые рукописи. Дети перенимали его умение. «Мы с моим братом, ему было 10—11 лет, а мне 11—12, только и занимались тем, что писали лицевые цветники и Апокалипсисы, много нами было написано», — вспоминал Федор Антонович в одном из своих писем и приводил названия иллюстрированных им тогда рукописей:

- 1) Апокалипсис двух редакций.
- 2) Канон на исход души.
- 3) Сказание об иноке Ефросине и райской птичке.
- 4) Цветник — около 50 лицевых изображений на тексты из скитских патериков.
- 5) Слово Палладия мниха о Страшном суде (30 лицевых изображений).
- 6) История об отцах и страдальцах соловецких.²

Текст писали отец и брат Каликина. Рукописи переплетались в холстину с досками и продавались в Москву в лавку Сергея Тихоновича Большакова у Ильинских ворот, сына старообрядца и книготорговца, рукописная коллекция которого в свое время была завещана нарождавшемуся Румянцевскому музею.

В БАН в собрании А. Е. Бурцева хранится список лицевого Апокалипсиса, изготовленного в конце XIX в. в семье Каликиных.³ А в собрании Каликина в БАН есть прориси миниатюр для этого Апокалипсиса, сделанные с рукописи XVII в.⁴

В 1906 г. в возрасте 30 лет Каликин приехал в Петербург. Сначала он жил у мастера-иконописца, у которого и учился, а затем перебрался в моленную купцов Киржаковых на Коломенской улице (кто работал с рукописями из собрания Дружинина, знает, что на лучших переплетках XIX—начала XX в. из этого собрания имеются записи о том, что они изготовлены переплетчиком Ф. М. Марасаевым, жившим при старообрядческой моленной Киржаковых). В моленной Каликин в праздничные дни канонаршил на клиросе. Зарабатывал он в это время реставрацией икон.

С В. Г. Дружининым он познакомился случайно, будучи направлен в его дом как реставратор. Когда Дружинин при встрече с Каликиным узнал, что тот старообрядец, то показал ему одну из старообрядческих рукописей, а Каликин со своей стороны поведал, что у него есть рукописи получше, после чего «был приглашен к вечернему чаю». С этого момента Каликин сделался незаметным образом агентом или сотрудником В. Г. Дружинина по собиранию рукописей. Зимой 1909 г. он совершил на иждивение Дружинина первую поездку за рукописями. Путешествие продолжалось около двух месяцев по маршруту Петербург—Каргополь—Лекса—Данилов—Повенец—Шуньга. Затем до 1914 г. Каликин ежегодно, по дважды в год (летом и зимой), ездил за рукописями для Дружинина.

² См.: ИРЛИ, Древлекранилище, колл. И. Н. Заволоко, № 160, письмо Ф. А. Каликина к И. Н. Заволоко от 14 X 1964 г.

³ БАН, собр. Бурцева, № 1.5.93.

⁴ БАН, собр. Каликина, № 51.

Много рукописей было привезено с родины Каликина, Тюребери. Среди них были и книги, писанные по заказу Дружинина братом Федора Антоновича. В архиве В. Г. Дружинина в ЦГАЛИ сохранилось три письма 1909—1913 гг. Каликина Дружинину, отправленных из экспедиций. Вот фрагмент одного из них: «Глубокоуважаемому Василию Григорьевичу желаю здравствовать и шлю низкий поклон. Я Вам, В. Г., послал посылочку. И в ней: миниатюрные поморского письма двусторонняя иконописные святцы. И еще к ним приложение. Всего 17 икон и 7 рукописей, в том числе 2 указа. Это все мной приобретено в г. Ярославле. Да и еще там видел кой-чего, вещей хороших и единственных, как например черновья поморских отцов, коих часть обещали уступить на обратном пути. Поэтому я и думаю . . . как лучше, посоветуете ли ехать на Северную Двину, где я думаю многого такого не найти, а дорога дорогая. Не лучше ли мне побывать в приволжских городах, а потом, если будет время, ехать прямо в Архангельск. . . как посоветуете Вы. . . (Далее об отосланных иконописных святцах, — Н. П.): По-моему, это в таком роде единственная вещь. А Страшный суд кто-то хотел смыть, да бог не попустил, а насколько хорош! А святцы? Ответ и совет на это письмо, В. Г., пишите на мою родину».⁵

Дружинин, кроме старообрядческих рукописей, собрал выдающуюся коллекцию поморского литья. Началась эта коллекция с поисков четырех икон, украшавших врата Выговского монастыря. Ведь в первую поездку Каликин побывал на Выгу, в Данилове. К тому времени старообрядческого монастыря давно уже не существовало, но жил еще последний выговский «большак» несуществующего общежительства Н. Н. Лубаков и несколько старушек-старообрядок. Монастырские строения находились в запустении, на кладбище — успокойной горке, где были похоронены основатели пустыни поморские отцы, — намогильные столбики, кресты и голубцы сгнили. Старик-большак пел заупокойную литию в комнате, куда снесены были уцелевшие намогильные кресты. У Н. Н. Лубакова Каликин и приобрел первые рукописи для Дружинина — два синаксаря и обгорелые святцы. А иконы тогда еще висели на вратах, и там было им место. Но когда в следующий приезд Каликин узнал, что врата рухнули, а литые иконы увезены с Выга, он позаботился о том, чтобы они попали в руки Дружинина.

В 1912 г. на 2-м Всероссийском соборе старообрядцев-поморцев в Москве Каликин выступил с рассказом о тогдашнем состоянии Выгорецкого монастыря, о запустении, в котором находились там поморские святцы. Его сообщение было издано в «Деяниях Собора» (М., 1913). Собор постановил ходатайствовать о передаче остатков Выго-Лексинского общежительства с кладбищем на попечение Московской и Санкт-Петербургской общин. Но началась первая мировая война, и подобными делами стало некому заниматься.

После революции Ф. А. Каликин продолжал зарабатывать свой хлеб реставрационными работами. Он подряжался реставрировать иконы во Псковском музее (в 30-е гг. им была отреставрирована икона «Мирожская Оранта» с изображением псковского князя Довмонта и его жены княгини Марии); реставрировал «Страшные суды» в Казанском соборе, работал реставратором в Русском музее. Последним местом его работы был Эрмитаж, откуда он и ушел на пенсию в звании ученого реставратора.

После войны Каликин продал Эрмитажу коллекцию поморского литья, принадлежавшую раньше Дружинину. Когда В. Г. Дружинин в конце

⁵ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 270, л. 4—5. Сердечно благодаря Н. Ю. Бубнова за предоставление мне этих материалов.

20-х гг. вынужден был оставить Ленинград, его наследники стали неразборчиво продавать коллекцию литых икон. Каликин тогда случайно увидел в одном из антикварных магазинов поморский складень, который сразу же узнал, так как коллекцию Дружинина он знал как свою собственную. Он собрал все свои деньги, бросился к наследникам и купил оставшуюся еще часть литья.

В 1948, 1950, 1952 и 1957 гг. в Рукописный отдел БАН Каликин продал 193 рукописи XIV—XX вв. Среди них были не только старообрядческие рукописи. Когда Каликин работал с Дружининым, все, что представляло труд выговцев, шло от него в руки Дружинина, а рукописи XVII в. и старше оставались у самого Каликина. Так формировалось его собрание.

Каликин не собирал коллекцию. Его книги и иконы были его жизнью. Надо себе представить, что, скажем, икона «Одигитрия Смоленская» XVI в., до того как оказаться в фондах Русского музея, жила в доме Каликина, и не как единица коллекции, а как естественная часть его быта.

Так же и рукописи. Он читал их, покупал, давал на подержание для прочтения, продавал. Когда читаешь переписку Каликина и И. Н. Заволоко, видишь, как рукописи жили в руках этих книжников, серьезно осознававших при этом интересы русской культуры.

С В. И. Малышевым Каликин близко сошелся в 50-е гг. В 1955 г. Владимир Иванович и 80-летний Каликин ездили вместе на Печору, в район Пижмы, в Усть-Цильму и привезли в Древлехранилище 72 рукописи. На Пижме, в Мезенском уезде находился некогда Великопоженский скит, который был одним из ответвлений Выго-Лексинского общезнания. В 1744 г. здесь под предводительством Ивана Акудинова произошло большое самосожжение, повесть о котором опубликовал В. И. Малышев. Малышев с Каликиным ехали в деревню Скитскую, оставшуюся на месте скита. Они увидели кладбищенскую рощу на месте пожарища, потомков скитян, собрали книги, оставшиеся от них (в том числе и список повести о самосожжении). Так, Каликин при В. Г. Дружинине побывал на Выгу, а при Малышеве — в Великопоженском скиту.

В 1957 и 1960 гг. Каликин продал Древлехранилищу 92 рукописи. В 1962 г. в Трудах отдела древнерусской литературы вышла статья Ф. А. Каликина «Портретное изображение исковского князя Довмонта».⁶ Написать эту статью его уговорил В. И. Малышев. Каликин не считал себя «ученым» человеком, он был ремесленником, мастером. Но он живой носил то знание, ту культуру, о которых мы привыкли узнавать из древних книг.

«Если художник-иконописец снимал с какой-либо иконы точную копию в контуре, для этого тонко растиралась черная краска на чесночном зелье (чесночном соке), затем беличьей кистью делалась контурная опись всей композиции. . . иконы, причем контур описи не должен быть ни толще, ни тоньше оригинала. Когда опись будет закончена, берется чистый лист бумаги, накладывается на только что проконтуренную икону и придерживается левой рукой, а правой отворачивается часть наложенного листа и делается незначительное увлажнение дыханием. . . Затем наложенная бумага притирается правой рукой в местах увлажнения. . . отчего черная на чесночном зелье опись дает на чистой бумаге негативный отпечаток. Вот этот то отпечаток. . . и называется прорисью».⁷ Эта цитата из статьи Каликина — не выписка из иконописного подлинника. Это то традиционное знание, которое он как ремесленник получил от своего отца-иконописца и которым пользовался всю свою жизнь. Культура иконописного

⁶ См.: ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 272—276.

⁷ Там же, с. 275, примеч. 16.

подлинника была для него живой культурой. Он не только написал статью об изображении князя Довмонта на иконе XVI в., — раньше он написал самое икону. «Мирожская Оранта» письма Каликина принадлежит одному псковскому старообрядцу; и если она может называться копией, то в том же смысле, в каком «Мирожская Оранта» XVI в. является копией иконы XIII в.

Древнерусская культура была для Каликина своей. Были своими князь Довмонт и Максим Грек. В частном письме, комментируя только что прочитанный старообрядческий календарь за 1966 г., где была помещена статья о Максиме Греке и где говорилось о его еретичности, Каликин писал: «В моем бывшем собрании прорисей была прорись и Максима Грека, и я его считал за святого, но нужно сказать, что о нем за свою жизнь плохого ничего не слышал. И вот вдруг он оказывается таким еретиком. Это очень и очень больно для меня. Значит это то, что я очень мало читал соответствующей литературы, где бы мог уже давно знать и о Максиме Греке. А мне жаль его и сейчас. Я его так же любил, как и тех греков, которые были вызваны при Грозном для обучения русских людей художественной эмали. Но, очевидно, им не удалось быстро организовать в Москве соответствующую мастерскую, и их сослали в Александров-Свирский монастырь, якобы за то, что они не хотели учить русских людей живописи по финифти. . . Вот я и думал, что не напрасно ли был гоним и Максим Грек».⁸

Старик Каликин жалел Максима Грека, а по отношению к живописцам-грекам испытывал чувство корпоративной солидарности живописца. Его выражение: ничего плохого не слышал — о Максиме Греке — замечательно. В нем проступила позиция молвы, позиция народа. Все мы, и Максим Грек и Каликин, — соотечественники, и поскольку мы свои, постольку мы рождаем молву друг о друге, постольку слушаем эту молву.

Ф. А. Каликин был человеком, о котором ходит молва среди нас. И эта молва добрая.

⁸ ИРЛИ, Древлекранилище. Коллекция И. Н. Заволоко, № 160, письмо Ф. А. Каликина к И. Н. Заволоко от 1 XI 1966 г.